

Всадники бросились на нас со свирепой безнаказанностью, если бы не одна последняя перевязанная веревка, из-за которой некоторые споткнулись, я бы тут же умер, затоптанный боевым конем.

Лошадь, которая упала передо мной, поставила своего всадника к моим ногам, явно контуженная, но все еще выглядела целой, я нырнул мечом прямо в маленькое отверстие между его шлемом и нагрудным доспехом, мне больше не нужно было делать, удар перережь крупную артерию, и он умрет в течение нескольких минут, и я не мог позволить себе нанести более чистый удар, поскольку на меня надвигалось все больше всадников.

Наши силы, не более пары десятков, которые решили стоять и позволить остальным уйти, были не чем иным, как травой на пути бегущего в панике носорога, только носорогу нужно притормозить из-за узости долины, веревки, спотыкающиеся о лошадей, и упавшие животные, преграждающие ему путь. Если бы мы были на чистом поле, нас бы выкосили до последнего меньше, чем за пару секунд.

Но благодаря пряжке врага нам удалось остановить остальных, используя против них их собственные номера. В лучшем случае оставалось двадцать наших солдат, чтобы отбиваться от сотен.

Широкая булава угрожала проломить мне череп, но благодаря мысленному зору я смог предсказать траекторию булавы. Хотя я не мог использовать какое-либо культивирование, мой разум все еще работал как у культиватора, давая мне достаточно времени, чтобы нырнуть под булаву, а затем нанести восходящий удар по всаднику, разрезав отверстие под его подмышкой.

Меч соединился, и рука всадника была едва прикреплена к гнезду из-за окровавленного сухожилия.

Еще одно копьё угрожало пронзить меня там, где я стоял, но я едва увернулся от него. Наконечник копья пронзил мой кожаный наплечник, причинив легкий дискомфорт, в то время как древко потерлось о мое плечо, создавая глухой пустой удар по воздуху.

Я слегка потянул за уже вытянутое копьё, в результате чего всадник, который отказался бросить свое оружие, упал с лошади. Я полоснул спину всадника так быстро, как только мог, когда заметил еще одно копьё, летящее в мою сторону.

Мой меч скользнул достаточно быстро, разорвав мужчине шею, хлынув кровью, и двинулся восходящим ударом, чтобы парировать копьё, когда один из моих товарищей ударил копьеносца собственным копьём, сбив его с лошади.

Я знал, что у меня нет боевых навыков, чтобы говорить об этом, и большая часть того, что я только что сделал, было благодаря силе солдата, которой я в настоящее время обладал, и усиленному мыслительному процессу мысленного зора. Но умственное истощение скоро настигнет меня, если, конечно, это солдатское тело, которое я использую, не рухнет от физической нагрузки.

Битва продолжалась, казалось, часами, пока мы сражались на заднем конце. Еще больше наших товарищей пали от ошибочных ударов мечами или раздавлены булавами врага, еще больше обрекая и без того безвыходное положение, но мне приходилось сражаться, и я продолжал сражаться, даже когда одно копьё пронзило мне бедро, не потому, что я мог не успел увернуться, но из-за того, что тело, которое я использую, отказывалось уклоняться, оно уже было истощено сверх человеческих возможностей.

Другой солдат порезал мне левую руку, сделав ее едва пригодной для использования. Но я все еще боролся и боролся, используя каждый клочок энергии, который только мог собрать, каждую крупицу и каждую крупицу силы, оставшуюся в этом теле.

Мои товарищи давно умерли, и только я остался сражаться, и это было давно, или, может быть, я чувствовал, что это было.

Окровавленный, избитый и измученный. Я все еще тяжело дышал, пока рубил врага. До поры до времени я заметил, что все стоят на месте, никто не двинулся ко мне.

Потому что они знали, что с такими травмами, как те, что у меня сейчас, мое падение будет лишь вопросом времени.

Вражеские солдаты знали, что если они нападут, то только умрут. И не нападали, вот что они сделали. Стоя неподвижно, наблюдая за этим странным человеком, сражающимся буквально до последнего вдоха. А потом один из них ударил себя кулаком в грудь, как и другие, и вскоре я понял почему.

Они салютовали врагу, достойному уважения за то, что он стоял вопреки всему, сражаясь на грани смерти, но все еще цепляясь за соломинку тщетной надежды, они не видели врага, они видели солдата, сражающегося за правое дело, и это было бы заставить даже самых могущественных врагов уважать такой поступок.

Тут же мои глаза потемнели, и я упал на колени, вдыхая мучительные последние вздохи этого тела.

Внезапно я проснулся и обнаружил, что сижу в пагоде Смеющегося Мясника, передо мной стоял маленький столик с опустошенной чашкой чая.

По залу разнесся смех мясника.

"Жалкое зрелище! Таково твое, потому что ты убил только сорок три своих врага. Многие достигли большего, чем ты, лучше тебе сдаться, потому что испытания станут только тяжелее".

Голос был как всегда монотонным.

Но затем прозвучало еще одно голосовое сообщение.

«Однако! В отличие от любого другого, ваша битва обеспечила выживание более чем тремстам девятнадцати солдатам. убивают, как только могут, в то время как враг будет безудержно бегать среди своих линий только для того, чтобы умереть, будучи в меньшинстве. Вы обеспечили путь отступления для других, прежде чем вернуться в бой. И мой вердикт таков... — прозвучал голос.

На этот раз сообщение показалось немного более... жизненным, но все же в нем был нейтральный мертвый тон.

Но следующие слова были как небо и земля.

"ГЛУПЫЙ!" это слово прозвучало во мне как эхо грома.

«Ибо ни один совершенствующийся не стал бы соизмерять собственное самосохранение с выживанием людей, которых он не знает! Глупо! Потому что ты отдал свою жизнь за тех, к которым не имел никакого отношения. Самое глупое из всего, твоя гордость ослепила тебя простая истина, выжить! Выжить любой ценой!"

Я не мог опровергнуть это утверждение, потому что знал, что в каком-то смысле он прав, я не знал ни одного из них и должен был бежать, когда это было возможно. Я знаю, что остановился и сражался вместе с солдатами, чтобы другие выжили? Но зачем я это сделал? Знал ли я их? Они не были семьей друзей или кем-то еще, они были просто солдатами. Тем не менее, было неправильно оставлять их на произвол судьбы.

— Мое убеждение, — пробормотал я, хотя и не думал, что голос ответит, — я боролся, потому что верил, что это правильно.

Вокруг разлилась громкая тишина, она была настолько непостижимой, что я мог слышать только звук биения собственного сердца и вдохов, это была тихая гробовая тишина, которой я никогда раньше не чувствовал. Затем снова раздался голос Смеющегося Мясника.

«Такой молодой... и у тебя есть зачаточное понимание Истины... твое Дао, возможно, нет, возможно, эгоистические убеждения, но все еще. Идиотизм, но я не буду переубеждать тебя против твоего убеждения, потому что это не мое дело. Продолжай!» эхом раздалось слова, и вниз спустилась еще одна винтовая лестница, на этот раз награда была другой.

Это было руководство, искусство владения мечом. Кровавый клинок, первый том.

Я взял книгу в руки и начал перелистывать страницы, это была серия искусств меча, посвященная рубящим и колющим ударам, с перенапряжением и перенапряжением. Риск, связанный с этими искусствами меча, был опасен, поскольку каждая атака была властной, но в

то же время таила в себе большой риск. Для того чтобы каждая атака заставляла врага колебаться, ненадолго колебаться, как объяснялось в руководстве, это искусство требовало решимости, далеко превосходящей ту, на которую любой человек когда-либо мог рассчитывать.

Это было воплощением высокого риска и высокой награды. Искусство фехтования, основанное на нырянии без оглядки на удары врага и самосохранение. Это было задумано как рискованный бой на мечах, в котором каждая атака рассматривалась как торговля жизнью. Одна только основная идея, лежащая в основе этой книги, заставила бы дрожать от страха, кто когда-либо узнает что-то настолько опасное, как это? Но потом я вспомнил, что произошло во сне, который мне только что приснился.

Эта книга — награда за те же действия, что и я, отсутствие самосохранения. Это искусство меча — награда за действия, которые я показал. Несмотря на то, что в моем распоряжении не было никакого другого искусства меча, я считаю, что это искусство меча было бы хорошо в моих руках. Я спрятал книгу под мантию там, где книга на груди втянулась в руководство, и двинулся вперед.

Оказавшись на третьем этаже, я увидел Си Сона, который выглядел истощенным до изнеможения и имел несколько ран по всему телу. Он был первым, на что я обратила внимание, прежде чем снова взглянула туда, где нахожусь.

Этот этаж тоже был немного меньше предыдущего, но ненамного, с той лишь разницей, что этот этаж был разделен на две секции. Один, где стояли я и Си Сон. Он был таким же, как и раньше, деревянный пол без каких-либо украшений, без дверей и окон, в то время как на другой стороне комнаты были огромные сокровищницы, оружейные духовные камни, руководства и даже материалы для крафта.

Тем не менее, был высокий зеркальный барьер, разделяющий две секции. А на углу была спиральная лестница, ведущая вверх.

«Жадность — проклятие всех людей, но перед таким большим богатством вы бы проигнорировали его? Или рискнули бы всем, чтобы получить его?» вопрос Смеющегося Мясника был последним из его слов, когда я стоял, глядя на сокровища передо мной.

Действительно, они были очень привлекательными, так как я заметил много духовных трав, которых я даже не узнавал, или Космические Камни на полу, которые выглядели как наименее важные кусочки этого сокровища. Эти Космические Камни нужны мне, чтобы продолжать совершенствовать свою Звездную Технику, чтобы скрыть свое культивирование яда. Но я не могу пройти через барьер, это я знаю, а Си Сон, судя по его взгляду, - нет.

Он посмотрел на меня так, будто я был подарком небес.

«Шен Бао! Ты добрался сюда!» он сказал.

— Да, я тоже удивлен, увидев тебя здесь. Я привык.

«Как ты пробрался сюда? Мне потребовалось много усилий, чтобы пробиться сквозь орды Духовных Зверей, лежащих вокруг, я сомневаюсь, что у тебя есть способность сражаться с ними. Но теперь...» на лице Си Сона появилось опасение, особенно сейчас, когда он ослаб и думает, что я смог пробиться сквозь многочисленных врагов.

Я вытащил целебную таблетку, которую нашел на первом этаже, и бросил ему пузырек. Он осмотрел его, используя свое божественное чутье, которое еще раз «кониически» прошло сквозь меня, когда он попытался увидеть, есть ли у меня что-нибудь при себе.

Но пока я выгляжу спокойным и собранным и не отвечаю, как мне удалось победить полчища духовных зверей — хотя я понятия не имею, о чем он говорит, возможно, мы шли разными путями, чтобы добраться сюда, и его смехотворно опасно — я должен уметь внушать ощущение тайны, а вместе с ней и опасности. Хорошо, чем меньше он знает, тем больше он будет опасаться, и, несмотря на пренебрежение ценностью пилюли, которую я ему только что дал, которая, кстати, определенно принесет ему целое состояние, он подумает, что я не заинтересован в ней, заставляя меня стоять на более высоком умственном пьедестале, чем я того заслуживаю.

Игры внутри игр, игры разума, чтобы поставить одну выше другой, без словесного произнесения слов. Пока я тщательно ставлю себя выше него, я дам ему еще одну причину не испытывать меня или открыто враждебно относиться к нему. Я мог бы легко проигнорировать его измученное и раненое «я», но раненый лев более склонен к агрессии, чем здоровый. Тем более, что он подсознательно почувствует, что даже если бы он был так же здоров и здоров, как сейчас, он не представлял для меня никакой важности или опасности.

«Спасибо, культиватор Шэнь Бао!» — сказал Си Сон и бросил таблетку. Он сел в позу лотоса и начал переваривать пилюлю.

«Друг совершенствующийся», — сказал он, и это верный признак того, что я заслужил его уважение или его опасения. Что было лучше.

«Нет необходимости», — сказал я, подойдя ближе к барьеру, предоставив ему легкую мишень, когда я повернулся к нему спиной.

Я посмотрел на шлагбаум и улыбнулся, потом повернулся и сказал: «Пошли, не надо тут время терять».

«Почему? Я очень старался пробить этот барьер, и я думаю, что он мог бы рухнуть, если бы приложил немного больше усилий». — сказал Си Сон.

Я покачал головой, говоря: «Этот барьер разработан специально для этого, он будет ослабевать и выглядеть вот-вот сломается ровно настолько, чтобы вы исчерпали всю свою силу,

а затем, когда вы пополнитесь, вы попытаетесь снова и, похоже, вот-вот сломаетесь. Как только вы снова истощите себя, это будет происходить до тех пор, пока вы не будете полностью истощены, в отчаянии и без каких-либо крупиц силы или предметов для восполнения себя. Это испытание вашей жадности, и если вы продолжите в том же духе, потерпит неудачу».

Си Сон воспользовался моментом, чтобы переварить мои слова, и сказал: «Откуда ты все это знаешь?»

«Проще говоря, этот барьер создан с использованием псевдосвятой Ци. Неважно, насколько ты силен, ты никогда не сможешь сравниться с этим барьером по силе, если только ты не восходящий. Даже я не могу расшифровать все его тайны, но я знаю что эта штука выдержит бомбардировку миллионов зарождающихся культиваторов без единой трещины». — сказал я решительным и уверенным тоном.

Си Сон вздохнул и встал: «Проклятый трюк, он чуть не стоил мне моего развития, когда я пытался прорваться через него, используя запрещенную технику. Черт, черт!» Си Сон выругался, и я почувствовал, что он достаточно разозлился, чтобы снова снять это с барьера.

«Кроме того, — добавил я, — ваши усилия были бы напрасны, — сказал я.

Си Сон вопросительно посмотрел на меня.

«Да, потому что эти сокровища фальшивые», — сказал я.

«Чепуха, я чувствовал их духовное освобождение даже через барьер». Си Сон покачал головой.

«В том-то и дело, что этот барьер на самом деле копирует духовный остаток всех предметов за ним, это не более чем подделки, но это не значит, что их здесь нет».

Выглядев совершенно потерянным, я вставил: «Эти сокровища, вероятно, существуют на другом этаже, и они проецируются сюда только для того, чтобы истощить культиваторов в тщетных попытках уменьшить их шансы на получение настоящих сокровищ. Простой метод, но несомненно эффективный. знающий взгляд на теперь слегка пристыженного Си Сона.

«Хорошо, — сказал Си Сон, откашлявшись, — тогда давайте продолжим».

И мы взлетели на верхний этаж.